

наличие внешнего фактора, связанного с деятельностью в Казахстане зарубежных проповедников, часть из которых пропагандировала идеи радикального ислама;

близость Казахстана к нестабильным странам и регионам, где сильны позиции политического ислама.

В указе Президента Республики Казахстан от 10 февраля 2000 г. № 332 «О мерах по предупреждению и пресечению проявлений терроризма и экстремизма» перед органами государственной власти были поставлены следующие задачи: проверка соблюдения законности религиозными объединениями и духовными учебными заведениями, а также благотворительными, культурными и образовательными организациями с иностранным участием; проведение мониторинга деятельности религиозных объединений; обеспечение проведения религиозно-экспертной экспертизы распространяемой в стране литературы. Были приняты законы от 13 июля 1999 г. № 416-І «О борьбе с терроризмом», от 18 февраля 2005 г. № 31-ІІІ «О противодействии экстремизму». Для предотвращения проявлений экстремизма казахстанские органы власти начали осуществлять анализ деятельности исламских объединений. Была запрещена деятельность религиозных объединений, пропагандировавших идеи религиозного радикализма, определен порядок въезда, выезда и пребывания иностранных граждан в республике. Для более эффективного регулирования религиозной сферы жизни общества был принят закон от 11 октября 2011 г. № 483-ІV «О религиозной деятельности и религиозных объединениях». На этапе подготовки и принятия закона исламскими экстремистами в Казахстане и за его пределами высказывались угрозы террористического характера, часть этих угроз была реализована.

В настоящее время основными причинами развития исламского экстремизма в Российской Федерации и Республике Казахстан являются следующие:

масштабная коррупция;

частичная неспособность традиционного ислама противостоять неофициальному;

попытки иностранных государств использовать «исламский фактор» для дестабилизации политической обстановки в государствах СНГ;

неполная готовность сил правопорядка к эффективному противодействию экстремистским угрозам.

Таким образом, возникает необходимость в поиске решения этой проблемы на межгосударственном уровне. Представляется перспективным дальнейшее углубление сотрудничества Российской Федерации и Республики Казахстан, других стран, входящих в СНГ, в области борьбы с религиозным экстремизмом на глобальном уровне под эгидой ООН, а также на региональном в рамках ОДКБ и ШОС.

УДК 351.742

*А.И. Мурашко*

#### **АГЕНТУРНАЯ РАБОТА ЖАНДАРМСКОЙ ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНОЙ ПОЛИЦИИ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ**

В связи с ростом революционного движения и активным участием в нем железнодорожных служащих Департамент полиции МВД Российской империи (далее – ДП) в 1906 г. принимает решение привлечь к организации внутренней агентуры в среде железнодорожников подразделения жандармской железнодорожной полиции. До этого времени агентурной работой в среде железнодорожников занимались подразделения губернских жандармских управлений (ГЖУ). Например, в конце XIX–XX в. оперативной разработкой Гомельского комитета социал-демократической организации, членами которой были и железнодорожники, занимались жандармы Могилевского ГЖУ. ими был завербован секретный агент – русский железнодорожник, активный член комитета, получивший за свою работу 10 р. в месяц. С 1898 по 1902 г. ДП был полностью осведомлен о деятельности этой организации. В то же время данная агентурная разработка проводилась без участия жандармской железнодорожной полиции.

7 августа 1906 г. ДП было разослано начальникам жандармских полицейских управлений железных дорог (ЖПУ ж.д.) секретное предписание № 82, в котором указывалось на необходимость привлечения жандармской железнодорожной полиции к борьбе с революционным движением. В соответствии с этим предписанием в целях организации агентурного наблюдения начальникам ЖПУ ж.д. и начальникам отделений выделялся денежный кредит на приобретение платных секретных агентов.

Организация секретной агентуры и внутреннего наблюдения строилась в соответствии с многочисленными инструкциями, указаниями и циркулярами, разработанными ДП и Штабом Отдельного корпуса жандармов (ШОКЖ).

Так, Инструкция по организации и ведению внутреннего секретного наблюдения, разработанная в 1907 г., затрагивала вопросы, связанные с деятельностью органов политической полиции, и состояла из 41 пункта. В ней подробно указывалось, какими качествами должен обладать сотрудник, занимающийся агентурной работой, определялись его взаимоотношения с секретными агентами. В инструкции отмечалось о необходимости изучения жандармами, ведущими оперативную работу, положения дел в революционном движении, программы революционных партий, напоминалось о недопустимости провокационных приемов, ставились задачи по инструктированию секретных агентов. Здесь же разъяснялись вопросы оплаты работы секретного агента, способы приобретения и проверки достоверности полученных сведений, способы легендирования и обеспечения безопасности как агента, так и представляемых им сведений. Подробно рассматривались действия жандарма в случае ареста членов политической организации и агента, разрыва отношений с агентом.

Все секретные агенты делились на агентов внутреннего наблюдения, которые принадлежали к различным политическим партиям и общественным организациям, вспомогательных агентов, не состоявших в партиях и организациях, но поддерживавших связи и контакты с их членами, и «штучников» – лиц, привлекаемых для выполнения за вознаграждение отдельных разовых заданий.

Руководство ДП и ШОКЖ требовало от железнодорожных жандармов, чтобы на крупных железнодорожных узлах и станциях они обязательно вербовали партийную агентуру внутреннего наблюдения, в тех же местах, где не было больших железнодорожных предприятий, мастерских и депо, разрешено было довольствоваться вспомогательными агентами. Однако надо отметить, что агентурная работа в ЖПУ ж.д. была поставлена на низком уровне. Например, в Борисовском отделении Московско-Рижского ЖПУ ж.д. в начале 1911 г. числился только один секретный агент «Смелый», который ни в каких политических и общественных организациях не состоял, но был знаком с «неблагонадежным элементом». «Смелый» в течение трех месяцев работы агентурных сведений не давал, а в дальнейшем отказался работать. В начале 1912 г. начальником Борисовского отделения был подыскан

секретный агент «Красный» с ежемесячной оплатой в 30 р. Агент в политических и общественных организациях не состоял, но был знаком с «неблагонадежным элементом». В течение пяти месяцев работы сведений от агента не поступало.

Многие начальники отделений ЖПУ ж.д. вообще избегали работы с секретной агентурой. Товарищ министра внутренних дел П. Курлов в 1910 г. по этому поводу отмечал: «Опыт показал, что господа начальники отделений сначала относились к новому для них делу, в сущности составляющему главнейшую их обязанность, чисто формально, стараясь держать одного-двух сотрудников „для вида“, а затем постепенно дошло до того, что в настоящее время агентура не только партийная, но и вспомогательная, у начальников отделений – явление исключительное». В июне 1912 г. ДП выступает с угрозами к начальникам отделений ЖПУ ж.д. по поводу организации агентурной работы. Директор ДП Белецкий предупреждал руководителей железнодорожной жандармерии: «Если в каких-либо жандармских отделениях вовсе не будет... агентуры, или агентура эта окажется недостаточно удовлетворительной, то ДП будет входить к министру внутренних дел с докладами о несоответствии таких начальников отделений с занимаемыми должностями». Однако репрессивные меры, предпринятые руководством, не дали положительных результатов. В декабре 1912 г. на особом совещании при ДП по вопросу о политическом розыске в империи отмечалось, что «в Жандармских Полицейских Управлениях железных дорог розыск поставлен совершенно неудовлетворительно, несмотря на то, что печальные события 1905 г. показали с очевидностью, как легко воспринимается революционная пропаганда железнодорожными служащими и какие стройные, сплоченные поэтому организации образовались на железных дорогах, забастовка на которых в октябре и декабре 1905 г. отразилась решительным образом на временном успехе революционных вспышек».

То, что агентурная работа в ЖПУ ж.д. проводилась на низком уровне, подтверждают и воспоминания жандармского офицера Н.А. Кравца. Про свою службу в 1910–1915 гг. в железнодорожной жандармерии после работы в ГЖУ он вспоминает таким образом: «политические функции почти отошли, и за все время, то есть почти за шесть лет, мне пришлось лишь вести дело дознания в порядке 1035 статьи Уголовного уложения, да и то самого невинного свойства „Оскорбление Величества на словах в пьяном виде“... Остальные политические обязанности ограничивались лишь собиранием сведений о политической благонадежности служащих своего района или вообще поступавших на службу железной дороги. Никакой агентуры у нас не было, хотя ДП и Штаб корпуса предписывали заводить таковую, но мы, то есть железнодорожные офицеры, под разными благовидными предложениями старались избавиться от этой напасти и лишь изредка доносили о „настроении служащих“».

Таким образом, надо отметить, что агентурная работа жандармской железнодорожной полиции, несмотря на многочисленные требования со стороны ДП и ШОКЖ, велась на низком уровне и не могла реально противостоять развитию революционного движения среди железнодорожников.

УДК 2-745(470.1/2)(091)«17/18» + 348(0454)

*А.Р. Павлушков*

### **БОРЬБА С ПРЕСТУПНОСТЬЮ В КОНТЕКСТЕ РАЗВИТИЯ ГОСУДАРСТВЕННО-ЦЕРКОВНЫХ ОТНОШЕНИЙ В ИМПЕРСКИЙ ПЕРИОД**

Преступность относится к разряду наиболее острых проблем, она представляла и представляет угрозу для развития любого общества. Ее сложная природа заставляет исследователей совершенно различных областей научных направлений искать эффективные способы борьбы с ней. Историко-правовые исследования направлены прежде всего на реконструкцию отечественного и зарубежного опыта с возможностью адаптации его к современным условиям.

Обращение к сотрудничеству церкви и государства в вопросах борьбы с преступностью было обусловлено качественно новым форматом взаимоотношений этих институтов, сложившихся в имперский период. Экономическая и судебная секуляризация серьезно подорвала политическое влияние Русской православной церкви. Ее юрисдикция была значительно ограничена и унифицирована на основе светских требований. Государство возложило на церковь выполнение новых общественных функций, к числу которых относились надзорно-полицейские и карательные обязанности, что вызывало естественное недовольство и сопротивление клира в силу того, что их реализация была не свойственна для православной организации.

Первым направлением взаимодействия была деятельность по профилактике преступности и выявлению совершенных преступлений. Духовный регламент 1721 г. обязывал приходских священников сообщать обо всех готовящихся или уже совершенных деяниях властям, если об этом становилось известным на исповеди. Отсутствующие на исповеди подвергались административным наказаниям, причем размер штрафа возрастал пропорционально количеству неявок. Отсутствие на исповеди более трех раз квалифицировалось уже как уголовное преступление и подлежало жесткому наказанию с обязательным исповедованием в дальнейшем. Фактически все православные христиане (а таковых было подавляющее большинство) находились под контролем приходских священников. Отношение к данной норме вызывало справедливую критику церкви, но она вынуждена была подчиниться. Священник, скрывающий уголовное или государственное преступление, ставшее известным ему на исповеди, подвергался уголовному преследованию.

Профилактика преступности осуществлялась через чтение нравоучительной религиозной литературы. Постановления Синода изобилуют рекомендациями о чтении перед паствой отрывков из текстов писаний, где говорится о грехе, преступлении и наказании. С этой же целью писались специальные проповеди, поучения, содержание которых размещали в местных епархиальных изданиях для всенародного доступного чтения. Лучшие тексты утверждались духовным правительством с целью распространения и пропаганды основных нравоучительных идей во всех епархиях. Разумеется, это имело огромное значение, так как правосознание российских подданных формировалось в значительной степени под воздействием религии, а посещение церкви было традицией и средством, позволяющими отличить православного от иноверца.

Эту же роль выполняли благочинные и настоятели монастырей, которые по роду своей деятельности следили за поведением не только духовенства, но и мирян. Выполнение христианских обязанностей (чисто религиозных и моральных) являлось главным критерием надзора, что отражалось в письменных отчетах, рапортах вышестоящему начальству.